

Охваченная паникой и смятением, Хан Сю лихорадочно огляделась и вдруг заметила Хана Сиэня. В её голове созрело решение — глупое, отчаянное и обречённое на провал. Рванувшись к племяннику, она вцепилась в подол его одеяния и разрыдалась:

— Я виновата! Я...

Разгадав её замысел в то же мгновение, Хан Сиэнь не позволил тётке излить душу. На его лице отразилось крайнее, донельзя убедительное изумление.

— Неужели младшая тётушка желает, чтобы я, ваш племянник, принял эту кару за вас? — громко, так, чтобы слышали все, произнёс он. — Вы — моя старшая родственница. Раз уж такова ваша воля, я не смею перечить.

С этими словами он брезгливо стряхнул её пальцы со своего рукава и, не давая опомниться, повернулся к евнуху Фуци. Сложив ладони в вежливом приветствии, он с благородной скорбью в голосе произнёс:

— Уважаемый управляющий, моя тётушка слаба телом и душой, ей не пережить этого наказания. Прошу вас, позвольте мне принять удары вместо неё!

Стоявшая неподалёку Хан Минчжу мгновенно побледнела. На её ярком, поразительно красивом лице отразилась неподдельная тревога. Сделав шаг вперёд, она поспешно заговорила:

— Уважаемый управляющий, пощадите! Мой старший брат с самого детства слаб здоровьем, он долгие годы не вставал с постели из-за тяжкого недуга. Ему не выдержать и малой доли этих побоев. Молю, позвольте мне, ничтожной, понести наказание вместо тётушки!

Хан Сю ошарашенно переводила взгляд с племянника на племянницу. Она ведь всего лишь хотела, чтобы Сиэнь замолвил за неё словечко перед посланником императрицы! Ей и в голову не приходило требовать, чтобы они подставили свои спины под удары.

Наблюдавшая за этой сценой Хан Цинсюэ быстро сообразила, куда дует ветер. Раз уж репутации дома Хань сегодня нанесён сокрушительный удар — ведь старую госпожу открыто обвинили в том, что она не сумела воспитать дочь, — нужно было спасти собственное имя. Выступить сейчас защитницей оступившейся родственницы означало возвыситься над жалкой Хан Сю в глазах света. Отринув гордость, Цинсюэ тоже опустилась на колени и поползла к Фуци, умоляя наказать её вместо тётки. Глядя на неё, Хан Юэчжун и остальные молодые господа наперебой принялись выкрикивать те же просьбы.

Подобный балаган привёл Фуци в неистовство.

— Да как вы смеее?! — взвизгнул он, багровея от злости. — За кого вы принимаете высочайшую волю Её Величества императрицы?! За игрушку для ваших семейных нежностей?!

Переведя полный ядовитой издёвки взгляд на Хан Сю, он процедил:

— Госпожа Хан-Хэ, у вас ведь есть собственные дети. Как же у вас повернулся язык просить племянников принять за вас кару? Раз уж вы утверждаете, будто больны и немощны, старый слуга проявит милосердие и рассудит по совести. Пусть вместо вас отдувается ваша родная дочь!

Услышав это, Хэ Юйчжу застыла, уставившись на мать широко раскрытыми, полными ужаса глазами. Хан Сю не выдержала этого безмолвного, умоляющего взгляда. Сердце её болезненно сжалось, и она поспешно отвела глаза в сторону.

Расценив это молчание как знак согласия, Фуци холодно усмехнулся.

— Что ж, ваша матушка не против, — его слова жалили хуже змеиного яда. — Твоя дочерняя почтительность достойна похвалы, дитя. Вернувшись в императорский дворец, я непременно доложу о ней Её Величеству.

Он небрежно кивнул стоявшей рядом матушке Ли.

Хэ Юйчжу всё ещё сидела на коленях, заворожённо глядя на мать. В её груди медленно расплывался ледяной холод разочарования и липкого, удушливого страха.

Суровый взгляд матушки Ли остановился на нежной, белоснежной коже девушки. Она годами набивала руку в этом ремесле — была точно, расчётливо и беспощадно. Раздался резкий, хлёсткий хлопок. Первый удар пришёлся прямо по бледной щеке. Спустя всего несколько пощёчин некогда безупречное лицо Хэ Юйчжу страшно распухло.

Хлёсткие, оглушительные звуки ударов разносились по двору, заставляя присутствующих содрогаться. Лишь Хан Сиэнь оставался безучастным. Он холодно наблюдал, как в широко распахнутых глазах кузины, устремлённых на мать, глубокое отчаяние сменяется глухой, зарождающейся ненавистью.

Слушая свист ладони матушки Ли, Хан Сю наконец подняла голову. Увидев, как лицо её любимой дочери — холёное, изнеженное, оберегаемое от малейшей невзгоды — багровеет и покрывается жуткими отёками, она внезапно опомнилась. Эта миловидная мордашка была их главным сокровищем! Ведь именно благодаря своей красоте Юйчжу должна была войти в поместье пятого принца в качестве наложницы! Лишившись её, дочь никогда не станет фавориткой, а сама Хан Сю — тётцей будущего великого человека.

Эта мысль опалила её ужасом. Забыв о приличиях, Хан Сю поползла на коленях к евнуху и мёртвой хваткой вцепилась в подол его шёлкового одеяния:

— Уважаемый управляющий! Пощадите её, молю, отпустите! Не нужно ей нести за меня наказание... Пусть прекратит!

Стоявший неподалёку Хэ Фань, услышав этот истошный вопль, помрачнел ещё сильнее. Мать с самого детства души не чаяла в сестре, баловала её, тогда как его растила в строгости и равнодушии. Особенной теплоты между ними никогда не было. Но сейчас слова матери ранили его в самое сердце: требуя пощадить сестру, она без обиняков предлагала подставить под удары его.

И хотя он давно привык к вечной немилости, сейчас на душе стало невыносимо горько. Матушка словно забыла, что его собственная голова уже была разбита и кровоточила. От этой обиды рана на лбу, казалось, запульсировала с новой, удвоенной силой.

Старая госпожа Хань смотрела на свою дочь, и лицо её становилось всё мрачнее. Впервые в жизни в глазах умудрённой годами женщины отразилось столь глубокое, безнадежное разочарование.

И лишь Хан Сиэнь созерцал этот семейный крах с полным, ледяным равнодушием.

На самом деле, не начни они разыгрывать эту дешёвую драму с добровольным принятием чужой вины, Хан Сю молча вытерпела бы пощёчины, и инцидент был бы исчерпан. Однако глупость этой женщины превосходила все разумные пределы. Во-первых, она надеялась избежать законной кары за счёт детей, а во-вторых — в который раз пыталась использовать его, Сиэня.

Впрочем, дворцовые слуги знали меру. Но судя по тому, с каким остервенением матушка Ли прикладывала ладонь к щекам бедной девушки, после сотни ударов от её красоты не осталось бы и следа. Хан Сиэнь вовсе не желал окончательного краха кузины — она всё ещё была нужна ему, чтобы портить кровь Хан Цинсюэ.

Заметив, что взгляд Хэ Юйчжу сделался совсем стеклянным, а лицо превратилось в багровое месиво, он негромко обратился к евноху:

— Уважаемый управляющий, простите мою дерзость. Моя кузина росла в холе и неге, подобная кара для неё смертельно опасна. Пусть это и противоречит правилам, но раз уж мы, младшее поколение дома Хань, добровольно вызвались облегчить участь тётушки, быть может... вы разделите оставшиеся удары между всеми нами?

При этих словах лица Хан Цинсюэ и её братьев перекосило от ужаса. Хан Сю же, напротив, радостно закивала, хватаясь за это предложение как за спасительную соломинку.

Фуци перевёл взгляд с невозмутимого юноши на пресмыкающуюся женщину и тонко улыбнулся:

— Наследник воистину великодушен. Что ж, раз молодые господа и барышни так жаждут проявить сыновний долг, я не стану им препятствовать. Однако здоровье самого наследника слишком хрупко, а четвёртая барышня только вернулась из диких приграничных земель и не знает столичных порядков. Вас двоих закон освобождает от наказания.

Разумеется, старый евнух не посмел бы поднять руку на самого Сиэня, а из уважения к нему пощадил и Хан Минчжу. Зато на остальных сострадательных родственников обрушился весь гнев императорской гвардии. Хан Цинсюэ сполна получила свои пять пощёчин.

Молодым же господам, включая Хан Юэчжуна, досталось ещё солонее: помимо ударов по лицу, их знатно перетянули бамбуковыми палками пониже спины. Словом, после визита императорского посланника почти вся золотая молодёжь герцогского дома оказалась жестоко избита. Ближайшие несколько недель о выездах в свет им пришлось забыть.

Когда слуги разнесли весть о случившемся по столице, Хэ Юйчжу и её брат Хэ Фань неожиданно снискали славу образцов дочерней почтительности. Что же касается отпрысков дома Хань, на людях их, конечно, хвалили за преданность семье, но за закрытыми дверями над ними откровенно потешались. Госпожа Хан-Хэ, спору нет, по рождению принадлежала к роду Хань, но, выйдя замуж, стала частью семьи Хэ. Какого черта ради неё подставляли свои лица племянники? Столичная знать лишь качала головами: неудивительно, что Её Величество прислала указ с выговором старой госпоже за отвратительное воспитание дочери.

Впрочем, имя Хана Сиэня и его сестры осталось незапятнанным. Досушие кумушки судачили, будто взбалмошная Хан Сю сама потребовала от больного племянника принять за неё побои, а Минчжу вступилась лишь ради спасения брата, а вовсе не из любви к непутёвой тётке.

Сам Сын Неба, услышав об этом забавном инциденте, не удержался от насмешки:

— Надо же, впервые слышу, чтобы старшие из одной семьи требовали наказания для младших из другой, да ещё и преуспели в этом.

Эти слова правителя поставили жирную точку в обсуждениях. Семья герцога Хань покрыла себя несмываемым позором. А саму Хан Сю благородные столичные матроны отныне и на порог не пускали, окончательно вычеркнув из приличного общества.

Но всё это произошло позже. А пока, завершив экзекуцию, евнух Фуци церемонно распрощался с наследником рода и увёл свою грозную свиту прочь, оставив за собой стонущую, разгромленную усадьбу.

Избитые молодые господа и барышни едва держались на ногах. Никто не смел вымолвить ни слова, но в душе каждого кипела жгучая, удушливая обида. Изнеженные наследники знатного рода, они впервые в жизни узнали, что такое грубые пощёчины и удары палками. Но самое невыносимое заключалось в том, что по их собственной глупости весь этот позор в глазах света выглядел как благородный порыв дочерней любви.

Поддерживаемые слугами и служанками, искалеченные домочадцы безмолвно и угрюмо расползлись по своим покоям — зализывать раны.

Старая госпожа велела перенести несчастную Хэ Юйчжу в свои личные покои и немедленно послать за лучшими лекарями. На съёжившуюся, дрожащую Хан Сю матриарх даже не

взглянула.

Гнев старой дамы был безграничен. Ещё в самом начале, почувств неладное, она отчаянно подавала дочери знаки, требуя, чтобы та безропотно приняла удары. Если бы мать без колебаний пожертвовала собой ради детей, свет счёл бы это трагическим величием материнского духа, что хоть как-то сгладило бы суровый указ императрицы.

Но трусливая и эгоистичная Хан Сю думала лишь о собственной шкуре. Она даже не задумалась, чем грозят сотни сокрушительных ударов её юной дочери. Кожа молодой девушки нежна, и если лицо будет изувечено шрамами, её жизнь можно считать законченной.

Матриарх окончательно отвернулась от своей плоти и крови.

\*\*\*

Тем временем Хан Сиэнь — виновник этого изящно разыгранного хаоса — не спеша направился к выходу, но у самых ворот задержал взгляд на Хан Минчжу. Заметив, что сестра собирается уйти к себе, он негромко окликнул её:

— За мной.

Девушка послушно последовала за ним, чувствуя, как внутри всё замирает от сложной смеси страха и робкой надежды. С тех пор как она переступила порог отцовского дома, брат впервые пожелал поговорить с ней наедине. Сердце Минчжу колотилось; в голове вихрем проносились догадки, о чём пойдёт речь.

Они вышли к уединённой беседке в глубине сада. Жестом велел слугам оставаться на расстоянии и никого не впускать, Сиэнь повернулся к сестре. Его взгляд был ровным, а голос звучал пугающе обыденно:

— Я привык говорить прямо. Можешь творить в этом доме всё, что тебе заблагорассудится, преследовать любые цели. Но впредь не смей играть со мной в свои игры.

Сладостная надежда в груди Минчжу мгновенно испарилась, уступив место ледяному ужасу. Она резко вскинула голову, лицо её покрылось мертвенной бледностью.

— Брат... я... я вовсе не хотела... — пролепетала она, но губы её онемели.

Сиэнь безжалостно оборвал её лепет, не меняя ледяного тона:

— Я прекрасно понимаю, что из-за моего дурного нрава твоя жизнь здесь подобна хождению по тонкому льду. И я не виню тебя за попытки выжить. Но я терпеть не могу, когда меня используют втёмную. У меня репутация безумца, и твоё желание убрать моих врагов чужими руками вполне объяснимо для сестры. Вот только для меня ты пока — чужой человек. Если ты продолжишь плести интриги за моей спиной, надеясь, что я послушно сыграю отведённую мне

роль, то жестоко просчитаешься. Я могу подыграть тебе раз, другой, но моя снисходительность не безгранична. А терпения у меня, как ты знаешь, чрезвычайно мало.

Девушка стояла ни жива ни мертва. Ей хотелось закричать, доказать, что она вовсе не считает его безжалостным чудовищем и не желала зла, но под этим пронзительным, видящим её насквозь взглядом любые оправдания казались жалкими и неубедительными.

В ту ночь, когда она назначила свидание Хэ Фаню у искусственной горки... На территории герцогской усадьбы хватало куда более уединённых и безопасных мест. Но она, вырванная из привычного мира, задыхалась от страха в этих чужих стенах. Вокруг не было ни одной живой души, кому она могла бы доверять, кроме преданной служанки. Хэ Фань был сильным, настойчивым мужчиной. Минчжу до смерти боялась, что его терпение лопнет, и он силой ворвётся в её девичьи покои — тогда её чести пришёл бы конец.

И когда Хан Цинсюэ под предлогом дружеского визита незаметно утащила её личную вещицу, Минчжу поняла: времени не осталось, кузен готов к действию. Именно поэтому она устроила ловушку на самом краю сада — у границ двора Душистых Орхидей, где обитал Сиэнь.

На словах уверяя всех, что не желает обременять брата, в глубине души она страстно желала привлечь его внимание. Она устроила всё так, чтобы он невольно вмешался и защитил её. Минчжу металась между ужасом, что Сиэнь останется безучастным, и эгоистичной надеждой на его заступничество. Она уповала на свою женскую хитрость, не удосужившись открыться единственному защитнику, но при этом глупо требовала от него безусловного покровительства.

Холодный душ его слов мгновенно протрезвил её. Слава богам, этот суровый урок она получила вовремя.

Глубоко вздохнув, Хан Минчжу заставила себя поднять голову и прямо встретить ледяной взгляд брата:

— Я поняла, брат. И признаю свою вину.

Юноша не удостоил её ответом. Развернувшись, он бесшумно покинул беседку, оставив сестру наедине с холодным ветром, трепавшим её одежды.

<http://bllate.org/book/20088/2001999>